

лее раннему — Хронике Георгия Амартола по списку 1389 года: «Сия зимѣ быше въ пролѣтное же время» (Было холодно в весеннее время). *Пролегие* известно русским говорам. В. И. Даль отмечает для него значения: 'весна', 'начало лета', 'июнь, пора до Петрова дня'.

Осенний сезон тоже не был строго определен. В зависимости от разных природных условий в него включались сентябрь, октябрь, ноябрь, а иногда даже август. Вот пример из Новгородской летописи XIII—XIV веков: «А на осень прѣставися ольгѣ... авгу(с) в. а.» (А осенью умер Олег первого августа); «На то же осень зѣло страшно бы(с) ... градъ же яко ябълковъ боле мѣся ноября» (Той же осенью было очень страшно, в ноябре был град больше яблока). В основном же словом *осень* называется просто холодный период, пред-

шествующий зиме, а не конкретное время года: «Бобрь трудолюбиво, осень доколѣ поводню быти берегъ знамѣнаеть» (Бобер с наступлением холодов старательно замечает на берегу, до какого места поднимается вода) — Мерило праведное XIV века.

В значении 'осень' выступало и слово *осенина*. Правда, оно употреблялось значительно реже: «То(г) же лѣ(т) въ осенинѣ» (В том же году осенью) — Новгородская летопись XIII—XIV веков.

Таким образом, в Древней Руси последовательно различались лишь два времени года: теплое и холодное, соответственно *лето* и *зима*. *Весна* и *осень* обозначали промежуточные явления природы и четких временных границ не имели.

Кандидат филологических наук
Л. В. ВЯЛКИНА

ДРОФА — ДУДАК

Этимологические заметки

На первый взгляд, между этими двумя словами нет ничего общего, кроме значения: оба они называют крупную степную птицу из отряда журавлиных *Otis tarda*. Утверждению лингвистов, что это одно и то же слово, но пришедшее в наш язык в разное время, трудно поверить.

Действительно, сейчас у слов *дудак* и *дрофа* общее лишь начальный согласный *д-*. Гласный *-а* в слове *дрофа* — окончание, изменяющееся в других падежах, а в слове *дудак* *-а* относится к основе и при склонении устойчиво сохраняется. И все-таки это слова-братья, имеющие общее происхождение.

Названия *дрофа* и *дудак* в русском языке распространены неодинаково: первое из них — общелитературное слово, а второе — диалектизм. В. И. Даль в Толковом словаре при этом слове дает помету *вост.* «Восточным наречием» русского языка наш знаменитый словарник называл русские говоры Поволжья и восточных областей, исключая Сибирь.

Ни к существительному *дуда*, *дудка*, ни к глаголу *дудеть* слово *дудак* не имеет никакого отношения: эта птица не «играет на дуде» и крик ее на звуки дудки не похож. Нет у этого слова родни и в других славянских языках. Правда, в чешском, словацком и польском мы находим слова, созвучные с рассматриваемым названием: чешское и польское *dudek*, словацкое *dudok*. Так названа мелкая птица угод за ее характерный крик. М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» сопоставляет русское существительное *дудак* с названием этой птицы в тюркских и монгольских языках и приходит к выводу, что оно заимствовано из тюркских, но не указывает точно — из какого. Приводимые им примеры малоубедительны: отмеченные у него слова отличаются в звуковом отношении от русского *дудак*.

С. Т. Аксаков в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» касается вопроса о происхож-

дении названий дрофы: «Имя *дрофы* — не знаю, откуда происходит. В Оренбургской губернии зовут ее по-татарски *тудак*, или *дудак*. Это же название слышал я и в соседственных губерниях, но в Курской вместо *дрофа* говорят *дроха*. Я остаюсь убежден в нерусском происхождении этого слова». Сам С. Т. Аксаков в этой книге преимущественно употребляет форму *тудак*, которая не отмечена ни в одном русском толковом словаре. О татарском происхождении слова *дудак* говорил и В. И. Даль.

Действительно, в татарском отмечено слово *дудак* с тем же значением. Форма с начальным *г-*, по-видимому, восходит к одному из татарских диалектов. Форма с начальным *д-* заимствована также многими кавказскими языками: абазинское *дудакъ*, адыгейское и кабардино-черкесское *дудакъ*, осетинское *дудакъ*. Ближе к этому звучат лакское название *давадахъ* и аварское *тувадах*, которые отражают заимствования из других тюркских языков или диалектов. Ср. чечено-ингушские формы *тогакъ*, *тодакъ*.

Название *дрофа* почти общеславянское: его начало звучит одинаково у всех славян, но конец обычно оформлен по-разному. Раньше в русском языке оно было известно в вариантах *дроха*, *драфа*, *драхва*. Причем написания с *а* в начальном слоге, по-видимому, не просто отражены на письме акающего произношения: в «Российском с немецким и французским переводами словаре, сочиненном Иваном Нордстетом» (ч. I. СПб., 1780) дана лишь форма с ударением на начальном слоге *дра́ха*. Русские словари, к сожалению, не отмечают широко представленного на юге произношения *дрѳа* с ударением на начальном слоге. Приводимую в словарях форму с конечным ударением впервые встречается в рукописном западнорусском славяно-латинском Словаре XVII века (из собрания А. А. Барсова. Рукопись этого Словаря — № 2313 — хранится

в Государственном историческом музее).

По указанию «Энциклопедического словаря» (издание Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона), в Сибири встречается местное название этой птицы *драп*, связанное с немецким *die Trarre* 'дрофа'. В других источниках это название найти не удалось.

Г. А. Полетика — автор «Словаря на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском, изданного в пользу учащегося российского юношества» (СПб., 1763) наряду с *дроха* упоминает не встречающееся в других словарях русское название птицы *дрѳъ*. Возможно, оно восходит к польскому языку. Именно в «Словаре на шести языках» впервые зафиксировано *дрофа*, а не в словаре И. Нордстета, как утверждает семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка».

В украинском языке это слово встречается в формах *дроха́*, *дрѳа* и *дрѳа*. Формы с начальным ударением, по мнению Л. А. Булаховского, являются вторичными (см.: «Известия АН СССР. Отд. литературы и языка», 1948, № 2). Белорусскому языку оно известно в форме *драфа́* (ср. диалектные: *дрѳ*, *гѳѳ*). Таковы разновидности этого слова в языках восточных славян.

Южнославянские языки увеличивают число отклоняющихся форм. В болгарском представлены *дрѳля* и *дрѳля* (причем слово с твердым *л* вторично, оно возникло из множественного числа *дрѳли*, а также из уменьшительного *дрѳлица*). Болгарская форма *ждѳля* возникла в результате переосмысления и сближения со словами на *ж-*, например, *жир*, *ждрапам* и т. п. Впрочем, известный немецкий славист Эрих Бернекер считает, что формы *дрѳля*, *дрѳля* заимствованы из сербскохорватского *дрѳля* (см. E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch). К сербскохорватскому языку, по Э. Бернекеру, восходит и словенское *drplja*. Македонское *дрѳля* весьма близко к болгарскому.

Западнславянские языки еще более увеличивают количество форм этого слова. В современном чешском представлена форма мужского рода *дрѳ*. В старочешском форм было

больше: *dropha, drofa, droptva* (последняя, очевидно, под влиянием старого названия куропатки *kuroptva, koptva* — изменила конечную часть), *droa, drof*. По-разному звучат названия в словацком языке *drov, kroup, drachva* (последнее отмечено в карманном Русско-словацком словаре Л. Мичатека 1892 года, но Л. А. Булаховский считает его возможным книжным русизмом — см. «Известия АН СССР», там же). Польские наименования дрофы единообразнее: *drov* (родительный падеж *drofia*), древнепольское *drofia, drov*. Значительно уклонились от других славянских форм серболужицкие: нижнелужицкие *grouf, groufj*, верхнелужицкая *groufj*.

Колебания в оформлении слова даже в одном языке заставляют думать, что во всех славянских языках существительное *дрофа* и его видоизменения заимствованы. Справедливость такого предположения подтверждают и колебания в значениях: в древних польском и чешском языках *drofia* и *drofa* могли служить наименованием лебедя. Считать это слово заимствованным заставляло и то, что почти все славянские названия, относящиеся к растительному и животному миру степной полосы, отсутствовали в праславянском языке (см.: Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962).

Источник заимствования искали сначала в германских языках, но впоследствии было установлено, что все соответствующие германские формы (немецкие *Trarre, Trarrgans, Trarrhuhn*, голландские *trap, trapgans*, датские *trap(re), trapgaas*, шведская *trarp* и др.) известны только с 1200 года и восходят к славянским языкам, ибо «птица эта была наиболее распространена на бывших славянских территориях Германии» (Н. Суолаhti. Die deutschen Vogelnamen. Straßburg, 1909, стр. 263). От немцев славянское слово попало в другие германские языки.

Предположение о германском происхождении всех славянских форм оказалось неверным, но оно помогло установить происхождение ряда особенно отклоняющихся славянских форм. Немецкое *Trarrhuhn*, вернувшись в славянские языки, дало серболужицкие и словацкую формы

kroupj. Заимствовали у славян название дрофы румыны — *drofie*, молдаване — *дрџие*, а через германское посредство — финны — *trappi* и лютцы *trāpas, trāmpas*.

Согласно новой гипотезе (об исконном славянском происхождении всех форм, кроме лужицких и словацкой, явно восходящих к немецкому *Trarrhuhn*) название быстро бегущей и тяжело взлетающей крупной степной птицы связано с глаголом *дранать*. Его индоевропейский корень восстанавливается в виде **dra-‘бегать’*. Чередование гласных *o/a* часто встречается в славянских языках (ср. русское *ловить* — *лавливать*). Это предположение объясняло южно- и западнославянские формы, в которых представлен звук *n*. Но остались необъяснимыми слова восточнославянских языков, содержащие звуки *ф* или *хв*.

Если принять эту гипотезу, то придется восстановить большое количество праформ, из которых получились современные слова в разных славянских языках: **дропъ, *дропь, *дропья* (из нее получились южнославянские формы с *л* типа болгарской *дропля*), **дрона*, а также **дропы* с родительным падежом **дропъве*. Считают, что именно форма **дропы* легла в основу восточнославянских: русской, украинской, белорусской. Она склонялась по тому же древнему склонению, что и существительное женского рода **буки* (родительный падеж *букъве*), которое по образцу косвенных падежей дало форму именительного падежа *бука*. В слове **дропья* произносился особый, очень краткий гласный звук *ъ*, который затем выпал. Получившееся в результате этого выпадения сочетание *пв* должно было упроститься в один гласный *ф*. Переход сочетания *пв* (из *пъв*) в *ф* наблюдается в польском *ufać* и чешском *doufatí* (‘надеяться’), которые соответствуют русскому глаголу *уповать* (древнерусское *упъвати*). Но в этом доказательстве есть непоследовательность: восточнославянские формы со звуком *ф* объясняются с помощью процессов, которые происходили в западнославянских языках. При этимологическом сближении существительного *дрофа* с глаголом *дранати* остаются необъясненными и колеба-

ния в значении и исконно славянский характер названия этой степной птицы.

Наиболее правдоподобной остается этимология, предложенная финским тюркологом Мартти Рясяненем в 1946 году (M. Räsänen. Die wolgal-bolgarische Einfluß im Weste im Lichte der Wortgeschichte.— «Finnisch-ugrische Forschungen». Bd. XXIX, стр. 196). М. Рясянен сопоставил тюркские названия дрофы и вывел общетюркскую праформу *тогдак, с которой, по строгим законам соответствий внутри тюркских языков, должна была согласовываться чувашская праформа *tārah. Правда, М. Рясянен установил непосредственную связь только между древнечувашским словом и русскими формами *драхва*, *драфа*, *дрохва*, *дрофа*, встречающимися в Словаре В. И. Даля. М. Рясянен предположил, что в слове *тогдак содержится тот же суффикс, что и в общетюркском названии утки *ördäk. Неполное звуковое совпадение суффиксов в тюркских названиях дрофы и утки зависит от действия закона сингармонизма. Этот закон требует, чтобы внутри тюркского слова все гласные по ряду (передний или задний) строго соответствовали гласным корня. Ср. суффикс множественного числа в каракалпакских существительных: *ат* 'лошадь' — *атлар* 'лошади', но *ийт* 'собака' — *ийтлер* 'собаки'.

Что касается соответствия *gd* (во многих тюркских языках) — *p* (в чувашском языке), то М. Рясянен объясняет его через ступень *z: gd > z > p*. Например, общетюркское название пшеницы *богдай было заимствовано венграми из того древнечувашского диалекта, где сочетание *gd* превратилось в *z*, отсюда венгерское *búza*. В современном чувашском языке ему соответствует *päri*, правда, в значении 'полба'.

Название дрофы в венгерском языке тоже заимствовано из древнечувашского языка и звучит *túzok*. Следовательно, мы имеем два почти одинаковых ряда:

тюркское *богдай — венгерское *búza* — чувашское *päri*;

тюркское *тогдак — венгерское *túzok* — чувашское *tārah.

Свои разыскания М. Рясянен, однако, закончил весьма пессимистиче-

ски: «Все-таки начальное *ð*- и конечное *-va* (здесь имеются в виду формы *дрохва*, *драхва*. — И. Д.) остаются неясными».

Необходимый для объяснения не только этих темных мест, но и всех славянских форм тюркский материал обширен и многообразен: башкирское *тугазак*; татарское *дудак*; казахское *дуадак*; каракалпакское *дууалак*; туйлак; ногайское *дувадак*; кумыкское *дувадакъ*; карачаево-балкарское *дувадакъ*; азербайджанское *довдаг*; узбекское *туводоқ*, *тўхтатувалоқ*; киргизское *тоодак*; тувинское *тогдак*. Особняком стоят туркменские формы *токалтай*, *токлутай*.

К этим формам современных тюркских литературных языков следует добавить ряд диалектных и архаических. В чагатайском языке (иногда называемом староузбекским) известны *тугдак*, *тогдак*, *тойдак*. *Тоодак* отмечена в койбальском, качинском и сагайском диалектах хакасского языка. Следует также учесть, что в хакасских говорах это слово известно в значении 'цапля' — *тоодак*. В казахских диалектах встречается *дуалак*. Этот же самый корень содержат турецкие *той*, *туй*, *тойлак*, *тоғдари*, *тоғдари* и чагатайское *тоғдуй*. Чуваши заменили это слово описательным оборотом *хир кәркки* 'степная индюшка'. Известно оно и монголам (родственным тюркам по языку): бурятское *тоодог*, калмыцкое *тоод*, монгольское *тогодак*, *тогодок*, дахурское *tdok*, в маньчжурском языке — *тодо*.

Все приведенные здесь тюркские формы и восходящие к ним кавказские позволяют внести ряд уточнений в гипотезу М. Рясянена и решить те вопросы, которые для него оставались неясными. Во-первых, начальное *ð*- в некоторых тюркских языках говорит о том, что в тюркском праязыке сосуществовали формы с начальным *ð*- и *τ*-, поэтому начальное *ð*- в славянских формах не должно вызывать недоумения. Во-вторых, башкирское *тугазак* указывает на то, что изменению в *z* и далее в *p* подверглось не сочетание *gd*, а просто согласный *ð*. А заднеязычный согласный *z* через ступень неслогового *ʝ* превратился в гласный и слился с предшествующим *o*, поглотив его. Следовательно, из тюркских

*тогдак, *догдак получились *тоузак, *доузак, а затем *туузак, *дуузак с долгим у. Это долгое у мы находим в венгерском *túzok*. Славяне же заимствовали наименование дрофы из другого диалекта, в котором был начальный согласный *ð*; из диалекта, где долгий гласный *у* сократился, *z* между гласными изменился в *p*, а конечный согласный *k* — в *x*. Но этот согласный *x* был огубленным, или лабиализованным, и напоминал одновременно произносимые звуки *x* и *v*. Такой звук встречается в русских народных говорах: при передаче его на письме употребляют сочетание букв *xv*. Вероятно, он был и смягченным, подобно начальному согласному в диалектном произношении имени *Фёдор* — *Хвёдор*.

Итак, форма, заимствованная славянами из диалекта древнечувашского языка, — **дураx^{vv}*. Оба гласные краткие. Согласные *ð* и *p* славяне оставили без изменения, ибо такие звуки были и в их языке. Краткий гласный *у* закономерно переходил в очень краткий гласный *ʉ*, который впоследствии исчез. Краткий гласный *a* наши предки постоянно превращали в *o*. Сложного звука *x^{vv}*, который произносился при подъеме задней части спинки языка с одновременным огублением и смягчением, у большинства славян не было. Восточные славяне заимствовали этот звук, но утратили его мягкость. Позже этот сложный звук *x^{vv}* был заменен у нас звуком *ф*. Южные славяне этот звук передали как очень мягкий согласный *n^b*, превратившийся потом в сочетание *п* с мягким *л* (ср. сербскохорватское *дропља*), а запад-

ные славяне — то как твердое, то как мягкое *n*. Отсюда разное оформление этого слова в славянских языках.

Итак, конечное *-ва*, смутившее М. Ряснену, объяснено. Написание *xv* нельзя разрывать: это способ передачи сложного *x^o*. Конечный гласный *-a* был добавлен к слову уже на славянской почве, ибо название дрофы вошло в состав существительных женского рода.

Существуют и другие взгляды на происхождение славянских наименований дрофы. Замечу здесь, что М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» напрасно приписал Л. А. Булаховскому гипотезу о звукоподражательном происхождении названий дрофы у славян. В указанном им труде Л. А. Булаховского такого высказывания нет.

Теперь о языке, из которого славяне заимствовали название дрофы. В нашей статье он называется древнечувашским. Наряду с ним в лингвистике употребляется название «булгарский язык». Когда-то тюркоязычные булгары занимали большие пространства южной части Восточной Европы. Они говорили на языке, близком к чувашскому. Но этот многочисленный народ частично был истреблен, частично «растворился» среди других племен, приняв чужой язык. Существует мнение, что булгары составляли костяк гунских и аварских орд.

Древний булгарский язык сохранился (несколько видоизменившись) у современных чувашей. Названия народов *болгары* на Балканах и *балкарцы* на Кавказе свидетельствуют о том, что в этих местах когда-то жили булгары, которые оставили лишь название свое да отдельные слова в языках соседей. Некоторые из этих слов утрачены чувашами, непосредственными потомками булгаров. Так, например, ушедшие в лесную местность чуваша не сохранили старое название дрофы **дураx^{vv}*. Но оно осталось у славян. Даже более того: они способствовали распространению этого слова далеко на запад. Лингвисты, изучая такого рода заимствования, восстанавливают слова давно исчезнувших языков.

Кандидат филологических наук
И. Г. ДОБРОДОМОВ

В следующем номере
«Русской речи»
читайте:

Почему убегают
гласные?

Что ели русские
в древности?